

Ренат Беккин

ДЕТСТВО

отрывки из романа

БУЛЫЖНИК

Мне было несколько месяцев от роду. Я был обычным здоровым малюткой, которому положено было по несколько раз в день истязать материнскую грудь, безмятежно спать и громко плакать.

В ту ночь меня уже устроили на ночлег в мою детскую кроватку на колесиках. Рядом на раскладном диване-книжке расположилась мать. Я был поздний ребенок, и берегли меня со всей серьезностью. По установившейся традиции, тело мое по несколько раз за ночь перекладывали: то головой на север, а ногами на юг, то — наоборот. Так было и в ту ночь.

Прошло всего несколько минут после того, как меня в очередной раз перевернули. Мама уже успела задремать, как вдруг всю комнату наполнил звон разбитого стекла. Мать подскочила в кровати и увидела у самых моих ног внушительных размеров булыжник. Не переверни она мое детское тельце незадолго до этого — камень угодил бы мне в череп. Но материнская интуиция уберегла меня от этой непоправимой неприятности. Я продолжал спать, немало не потревоженный ни камнем, ни ворвавшимся в комнату холодным воздухом.

Тот же, кто едва не лишил меня жизни в самом начале моего пути, был не так глуп, чтобы оставаться на месте. Но мать легко вычислила его. Это был местный безумец из соседнего дома. Он числился на учете в «Скворечнике» — психиатрической больнице имени Скворцова-Степанова, находившейся от нашего дома в двух десятках минут пути, через железную дорогу. Увидев свет, исходивший от ночника, — быть может, единственное светлое пятно в нашем доме, — он взял на себя труд напомнить припозд-

нившимся людям, что пора «баю-бай». Такое объяснение услышал мой отец, когда явился в ту же ночь в квартиру, где проживал юноша, покусившийся на мою жизнь.

Впоследствии незадачливый метатель камней все-таки угодил в «Скворечник», где, если верить матери, и прекратил свое существование...

Когда мне в первый раз рассказали эту историю, я посетовал, что родители не сберегли тот счастливый булыжник. Я бы расколол его на части и изготавливал обереги для друзей.

ХРЮША

Как можно без усилий догадаться, это был поросенок. Обычный пластмассовый поросенок, приобретенный в «Гостином дворе» на Невском проспекте. Каким-то необъяснимым образом эта небольшая игрушка размером со ступню младенца быстро заняла место любимой игрушки, сделав бесполезными двух плюшевых медведей и двух пластмассовых негрятят.

Хрюша сопровождал меня во всех поездках: от летней дачи в Ольгино под Ленинградом до Прибалтики. Он делил со мной кровать, принимал вместе ванную, пил чай, погрузив в чашку свое легкое тело, и делал многое другое, о чем остальные мои игрушки даже не мечтали.

Но однажды Хрюша пропал. Я играл с ним в детском саду в песочнице. И закопал своего кумира. Серьезно закопал. Так можно закопать только настоящего друга!

Его удалось отрыть только поздно вечером, когда мама вернулась с работы и помогла мне в поисках. Теперь я точно знал, как выглядит счастье. Светло-розовое, с бледно-желтыми песчинками, забившимися в образовавшуюся дырочку в пяточке.

Потом я повзрослел, и Хрюша вновь исчез. Но я уже не так сильно переживал и не искал его с прежним усердием: с возрастом, как известно, люди становятся черствее. В то, что Хрюша мог затеряться где-то в квартире, в каком-нибудь забытом всеми углу — я верил до последнего ремонта, который случился пару лет назад. Только тогда Хрюша перешел из разряда без вести пропавших в категорию безвозвратно погибших.

Наверное, так и должно было случиться. Герой — не герой, если не умеет красиво уйти. Кем был бы сейчас мой Хрюша? Грустным воспоминанием об ушедшей детской любви.

Недавно я обнаружил открытку, отправленную мною из пионерского лагеря. Вот ее текст: «Дорогая мама! Я хочу домой. Как Хрюша? Мне нравится купаться. Мы таблетки от умирания изобрели» (16.06.86). Где теперь Хрюша, и где эти волшебные таблетки?..

ПЕС БОЛЬШОЙ

Петька был мальчиком с каштановым цветом волос. Не тонкий и не то, чтобы толстый. Слегка оттопыренная нижняя губа делала лицо его недовольным, как говорили дети, или надменным, как замечали взрослые. За этот скромный физический недостаток Петьку несколько раз бивали не разобравшиеся в чем дело мальчишки.

Иногда мне тоже хотелось отлупить Петьку, но не за губу. За дело. Особенно сильно это желание овладевало мною по субботам.

По субботам после обеда, но не раньше, чем часа в три пополудни, Петька приходил ко мне в гости играть в шахматы. Не скажу, с какого точно возраста я освоил эту игру. Думаю, лет с пяти или шести. Обычно мы с отцом принимались за игру вечером, чтобы скоротать время до возвращения мамы с работы. Не помню, чтобы я выигрывал у отца, но пару раз у нас случалась ничья.

Петька, начавший свою шахматную жизнь в одном со мной возрасте, играл примерно так же, как я. Его учителем был его отец, звавшийся дядей Сережей. Шахматы — такая вещь, которой мальчика должен учить только отец и никто другой. Я в это верю.

Наша партия начиналась традиционно: я прятал за спиной белую и черную пешки и спрашивал вслед за тем Петьку: «Какая рука? Правая или левая?» Петька закатывал глаза и называл руку.

Если Петьке выпадало играть за белых, он делал ход с Е2 на Е4. То же самое производил и я, если «был белым». Настоящая игра начиналась только после размена нескольких фигур.

Петька обхватывал голову руками и, уставившись в доску, за-тихал.

— Что ты так долго зыришь на доску? — с раздражением произносил я.

— А что нельзя?!

— Можно... но не так долго.

Это думанье Петьки было его главным оружием. Пока он размышлял, я терял самообладание и совершал вслед за тем неправильную ошибку. Петька съедал мою фигуру, либо ставил моего короля в неловкое положение.

— Э, постой! — кричал я. — Я ошибся.

— Ход сделан, — отвечал Петька, и мне казалось, что он еще сильнее оттопыривал нижнюю губу.

— Я ошибся, потому что меня достало ждать, когда ты станешь ходить, — возражал я.

— Так нельзя. Это не по правилам. А думать не запрещено. Мы не на время играем, как мастера спорта, — говоря это, Петька на всякий случай пододвигал поближе к себе съеденную фигуру.

— Верни фигуру, — шипел я и протягивал руку к Петьке.

— Нет! — Петька прятал фигуру за спину.

— Щенок!

— Пес большой!

После этого фигуры с доски летели на диван, на пол и в лицо Петьке — в зависимости от степени моего гнева. Петька молча вставал и уходил в прихожую одеваться.

— Больше никогда не буду с тобой играть! — кричал я ему вслед.

— И я с тобой.

— Козел!

— Сам такой!..

Но приходила новая суббота, и около трех часов пополудни Петька звонил мне в дверь, чтобы вновь сесть за шахматную доску. Оба мы заранее знали исход партии, но всякий раз принимались за игру как в самый первый раз.

ВКУС СЛАВЫ

Отец часто ездил в стройотряды или с лекциями от общества «Знание». Если ему доводилось бывать в Астраханской области, он всякий раз привозил оттуда черную икру. Много черной икры. Несколько трехлитровых банок. Я любил есть

икру большой деревянной ложкой. Она до сих пор имеется у нас дома.

Мама заставляла меня есть икру с хлебом, а отец позволял мне не разбавлять ценный рыбий продукт привычным мучным блюдом. Я не любил хлеб, но уважал его. Дома и в школе нас, ленинградских детей, учили, что хлеб или булку нельзя бросать на пол и вообще куда-либо бросать. Нам часто доводилось слышать стихи о 125-ти блокадных граммах. Можно сказать, я был с хлебом на «вы». А вот с черной икрой — на «ты». И с бананами, пожалуй.

Бананы были тогда товаром редким. Их «выбрасывали» в магазинах летом, и были они зелеными. Наша соседка сверху — Елена Михайловна выстаивала за бананами длинные очереди. Она покупала их себе и нам. Несколько суток бананы лежали в большой комнате на газете у батареи — до полного ожелтения, как говорила Елена Михайловна. Каждый день я проверял их на глаз и на ощупь — готовы ли к потреблению.

В тот день мамы не было дома, а икра была. Я не утерпел и закусил икру оказавшимся рядом бананом. Потом съел еще несколько ложек и закусил оставшимися бананами...

В больнице врачи показывали на меня пальцем и называли не иначе как «мальчиком, отравившимся черной икрой». Так ко мне пришла первая слава.

В больнице мне сделали промывание желудка. Я плакал, когда медсестра проделывала этот фокус со мной. Не потому, что было больно. Мне было жаль, что у меня изъяли отцовский гостинец, да еще таким безобразным образом.

АБУКА

В детстве у меня было целых три бабушки. Первую бабушку, маму моей мамы, звали Файза, а по-русски — Фаина. Но я звал ее: Абука. Я, конечно, не сам выдумал это слово. Так научила меня мама. И когда дети в саду спрашивали, как зовут мою бабушку, я бодро отвечал: «Абука». «Странное имя», — говорили дети. И я тоже начинал так думать. У других ребят бабушек звали Нина, Маша. У Петьки Филиппова бабушку звали Муза. Тоже странное имя, но благозвучнее, чем Абука.

Абука умерла, когда мне было четыре года. Сохранился ее строгий голос на магнитофоне. В моей памяти уцелело лишь несколько эпизодов, связанных с бабушкой, но самой бабушки в этих коротких воспоминаниях нет. У Абуки был рак, и она много времени проводила в больнице.

Помню последний раз, когда я видел Абуку. Точнее сказать: не видел, потому что лица ее тогда я совсем не запомнил. Но уверен: это был последний раз.

Мы ехали в больницу в «рафике» «Скорой помощи». Я сидел на переднем сидении рядом с врачом и водителем. Я запомнил лицо этого врача, потому что он было похож на одного диктора с ленинградского телевидения, объявлявшего в перерывах между передачами, что будут показывать дальше. И у диктора, и у врача лицо было добрым. И я ничуть не волновался за бабушку.

Когда мама ходила к ней, а отца не было дома, меня оставляли на попечение двух других бабушек, живших в нашей парадной. Бабушек звали Елена Михайловна и Клавдия Степановна. В эпоху коммунальных квартир, когда жильцы дома знали друг друга, оставить ребенка на попечение соседей было привычным делом. В 1980-е годы эта практика еще существовала в старых домах, где сохранялся неизменный состав жильцов.

Елена Михайловна угощала меня мармеладом (она звала его «мармаладом») и бананами. Клавдия Степановна — киселем домашнего производства. Я не знал, куда всякий раз уходила мама, когда меня оставляли Елене Михайловне или Клавдии Степановне. Я был нелюбопытным ребенком и не задавал лишних вопросов...

Через несколько лет мама привела меня на кладбище. Мы поехали к памятнику из красного гранита.

— Кто это? — спросил я, прочитав золотом обозначенное имя: Файза.

— Это твоя Абука, — пояснила мать.

И я уразумел тогда, что абука — это не имя, а искаженное татарское абука, или просто: бабушка. А еще я впервые услышал, как звучит арабский язык.

Пока мама прибиралась на могиле, к нам подошел какой-то дедушка в черной круглой шапчонке. Что он хотел, я не понял. Разговор незнакомца с матерью происходил на русском с примесью неизвестных мне слов.

Затем дед сел на скамеечку перед могилой. Мать села рядом. А я стоял в стороне и настороженно наблюдал. Дед сложил ладони перед собой, словно держал большую тарелку. Но самой тарелки нигде не наблюдалось.

Вдруг дед запел. Красиво так запел, но ни одного слова из песни я не сумел распознать. В конце песни дед перешел на шепот, а затем провел ладонями по лицу. Мать повторила за ним этот жест и заставила меня сделать то же. Затем она достала кошелек и протянула деду зеленую трехрублевку.

— За что ты даешь ему деньги? — спросил я, когда дед удалился. — Всего за одну песенку?

— Это не песенка, это молитва. Он молился за твою бабушку, — отвечала мама.

Я вспомнил тогда «телевизорного мастера» с большим красным носом. Он приходил к нам на прошлой неделе. У нас давно сломалась пластмассовая ручка переключателя каналов. Она отвалилась вместе с диском, к которому была приделана. Тогда отец научил меня переключать каналы с помощью пассатижей. Я с восторгом передвигал по часовой стрелке металлический стержень, на котором раньше был закреплен переключатель каналов. Мне нравилось это делать, но мама, не разбиравшаяся в электричестве, боялась, что меня когда-нибудь ударит током во время этого занятия. Поэтому было решено позвать мастера. За работу отец дал ему пять рублей.

«Получается, что уметь чинить телевизор важнее, чем уметь молиться», — подумал я. Но не решился поделиться своим открытием с мамой.

СМЕРТЬ ЦВЕТА СЛИВЫ

Долгое время я был уверен, что умирают только «главные дяди». Так я называл тех, кто стоял по праздникам на Мавзоле. О них рассказывали в программе «Время». Когда «главные дяди» умирали, весь день по радио играла грустная музыка. У нас на кухне по старой ленинградской традиции без умолку работало радио. И музыка, раздававшаяся из приемника, не позволяла забыть о случившемся.

В начале 1980-х я, узнав по радио о смерти очередного геронтократа, спросил мать: «Мама, а почему умирают только главные

дяди?» И тогда я услышал чудовищную правду о том, что смертны не только они, но и простые советские люди.

Я был раздавлен этой новостью.

— Так, значит, я тоже умру?

— Да.

— А ты?

— И я.

— Так зачем жить, когда знаешь что умрешь? — спросил я. Но на этот вопрос я не смог тогда получить ответа.

Вскоре мне довелось увидеть смерть простых советских людей.

Как-то мы с мамой возвращались из детского магазина на Ращетовой улице. Есть такая улица рядом с парком Сосновка. На переходе творилось что-то необычное: у остановившегося трамвая стояло насколько человек. Вскоре я увидел лежавшего на дороге между трамваем и остановкой мужчину в сливового цвета плаще и коричневом берете. Я хорошо запомнил цвет его одежды — наверное, потому, что подле него находился пустой бумажный пакет, из которого высыпалось несколько фиолетовых слив.

Не было видно ни капли крови. Дядя просто лежал, но я тогда безошибочно понял: он не спит, он умер. Меня быстро увели. Но рассыпавшиеся сливы еще долго стояли у меня перед глазами. Я представлял, что этот дядя в берете нес эти сливы такому же мальчику, как я...

В другой раз я видел, как человека убил огонь. Недалеко от нашего дома имелся долгострой — ДК объединения «Светлана». Его начали сооружать, когда я родился, но так и не достроив окончательно, разобрали в конце 2000-х.

Находившийся на стройке кран вдруг загорелся. Несчастный крановщик не имел ни малейшей возможности спастись, так как пожар начался внизу. Огонь подбирался к вершине. Крановщик постепенно отступал на конец крана, пока огонь не достиг его. Убитый нетерпением огня, он полетел вниз как маленький светлячок.

В тот раз мать почему-то не увела меня, и я наблюдал вместе с ней борьбу со смертью человека, прикованного к скелету гигантского чудовища. Теперь я уже не сомневался в том, что смерть существует. Иногда она может принимать облик рассыпавшихся по тротуару слив, а иногда — горячей звезды, тревожно падающей с неба.

«КАЛЕВАЛА»

В четыре года мне доверили говорить об Илье Муромце. Для утренника в детском саду. Но я отказался и всех удивил.

— Почему, Ренатик? — спросила меня воспитательница.

— Как же так, — отвечал я. — Илья Муромец тридцать три года лежал на печи, а потом взял и победил татар. Такого не бывает. Я татарин, и мне обидно такие вещи рассказывать.

Воспитательница засмеялась и подарила мне карело-финский эпос «Калевала», подготовленный специально для детей. Я еще не умел тогда читать и потому «Калевалу» я узнавал через маму.

Не знаю, откуда я выдумал тогда про татар. В былине об Илье Муромце говорилось о печенегах. Но было в нем что-то недоброе в этом Илье. Не нравился он мне, как и Емеля с его печкой. Не верил я, что сила его и геройство Ильи взялись ниоткуда. То ли дело охотник и рыбак Лемминкяйнен, каждый день упражнявшийся в ходьбе на лыжах: «Так беспечный Лемминкяйнен по лесам на лыжах бежал, песню спел у каждой чащи...» Или кузнец Ильмаринен, много трудившийся и выковавший волшебную мельницу Сампо, кормившую людей. Я охотнее верил в старика Вяйнемейнена, появившегося на свет сразу тридцатилетним, чем в беспричинную силу Ильи.

ЧАЙНЫЙ КОРОЛЬ

В 1984 году мы с мамой поехали в Аджарию. В гости к родителям папиной студентки. Это в наши дни миллион раз подумаешь, погостить ли тебе у близкого родственника, а тогда можно было запросто свалиться на голову каким-нибудь шапочным знакомым.

Отец мой был человек компанийский. По всему Союзу у него была уйма друзей, приятелей, попутчиков. Или просто людей, с которыми он когда-то выпивал. Эта была мощнейшая социальная сеть, но не виртуальная, а самая настоящая, которую легко можно было проверить на прочность, нагрянув в гости к кому-нибудь из участников этого многоглавого сообщества.

Так мы и сделали, отправившись с матерью в маленькую аджарскую деревню на берегу Черного моря.

В аэропорту Батуми нас встречал Ильяс Мамедович, отец той самой студентки. В новеньком зеленом «жигуленке» мы долете-

ли до деревни, называвшейся Букнари. Нас разместили на втором этаже в спальне родителей Ильи Мамедовича. Над кроватями висели два больших портрета бывших хозяев комнаты. В нижнем правом углу обоих портретов была черная лента. Родители Ильи Мамедовича умерли задолго до нашего приезда.

После обеда я вышел прогуляться в сад и, заплутав среди мандариновых деревьев, наткнулся на два гранитных памятника. Я сразу сообразил, чьи это могилы, взглядевшись в лица на фарфоровых портретах. Я уже видел их в нашей спальне на втором этаже. Но при дневном свете портреты не пугали меня так, как ночью, когда на них падал свет Луны.

Первая ночь в деревне выдалась беспокойной. Услышав совсем близко от дома жуткий вой, она решила, что это волки пришли по нашу душу. Мать забаррикадировала столом и стульями вход в комнату, так что утром нас оттуда с трудом вызволили. Я всю ночь спал крепко и узнал обо всем только утром.

— Что случилось? — спросил утром Илья Мамедович.

— Вы слышали, волки выли всю ночь?

— Это не волки, это шакалы.

— Они были совсем рядом с домом.

— Да. Но вы не бойтесь, — сказал Илья Мамедович. — Даже если шакалы войдут в дом, они не смогут подняться на второй этаж. Так они устроены.

Сын Ильи Мамедовича Руслан не боялся шакалов. Он, похоже, вообще ничего не боялся. Парень этот был старше меня на год или на два. Отец поручил ему ходить с нами на пляж. Руслан служил нам проводником и охранником одновременно. Дело в том, что женщина без сопровождения мужчины в этих краях непременно воспринималась как искательница приключений. Чтобы ни у кого не возникало таких подозрений в отношении мамы, к нам и был приставлен перwokлассник Руслан.

Перед тем как отправиться на море, Руслан проходил на кухню, вставал на табурет и доставал из шкафа бутылку с домашним вином. Затем он наполнял стакан наполовину и неторопливо осушал его. В первый же день он захотел угостить меня. Пока я стоял со стаканом в руке и размышлял пить или не пить, появилась мать и забрала у меня стакан. Говорят, вино в Аджарии такое вкусное, что его не пьют только муллы. И то не все.

Вина в Аджарии я так и не попробовал. Вместо вина я пил много чая. Такого чая не было нигде в России. Илья Мамедович заведовал местными чайными плантациями. Это был настоящий чайный король Аджарии.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

За что нас с Гапичем хотели наказать? За Полинку Ткачеву. Мы затащили ее в мужской туалет. То есть, на самом деле мы — это я и Никитка Семухин, но наказывать собирались почему-то меня и Максима Гапича.

Татьяна Юрьевна — наша классная руководительница — задержала нас с Максимом после урока математики. Мы были выставлены в коридор и заходили в класс по очереди. Мне выпало идти первым. То ли потому что был ростом выше, то ли потому что моя фамилия начиналась на букву Б.

Когда я прикрыл за собою дверь, я не сразу заметил Татьяну Юрьевну. Она была в углу класса, около глобуса. В руке у нее был ремень. Татьяна Юрьевна поманила меня пальцем.

— Снимай штаны.

— Зачем?

— Наказывать буду.

— За что?

— Сам знаешь.

Я молчал и не двигался.

— За то, что обидел девочку, — пояснила Татьяна Юрьевна.

— Какую девочку?

— Не притворяйся. Полину.

— Какую Полину? Я не обижал никого!

— А кто ее в туалет затащил?

— Ну... А что тут обидного?

— Снимай штаны.

Меня до этого никогда не пороли, и я совершенно не представлял, что нужно делать в такой ситуации. Я стоял, молчал и штанов не снимал.

— Мне еще долго ждать? — произнесла Татьяна Юрьевна, поглаживая ремень.

— Откуда она взяла ремень? — подумал я, а вслух сказал: «Не надо меня пороть!»

Татьяна Юрьевна усмехнулась.

— Дай честное октябрытское, что больше такого не будет.

— Честное октябрытское.

— Ну ладно... иди. И позови Гапича.

На выходе я шепнул Максиму: «Пороть хочет, проси прощения».

Гапич воспользовался моим советом. Я дождался его, мы пошли в столовку и ругали последними словами Татьяну Юрьевну. А еще я ругал самого себя за проявленную слабость. Зачем я дал ей слово? Лучше бы меня выпороли, и я бы мог с легким сердцем затаскивать девчонок в туалет. Каких только пожелаю.

БАСНОПИСЕЦ

Не знаю, почему я начал со сказок. Стихи были потом. Как у всех подростков: о неразделенной любви, о жизни и смерти. А сказки были раньше. Я называл их баснями. Уцелели черновики и чистовики. Сначала я писал басни от руки, затем мама напечатала их на машинке.

Первые сказки не отличались глубиной, но поражали своей жгательностью:

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Теленок встретил зайца. Заяц сказал: «Привет», а теленок только: «Му да му».

В дальнейшем басни становились длиннее. Появился в них и некий смысл. Каждая сказка высмеивала какой-то порок. Например, хвастовство:

ХВАСТЛИВАЯ СОРОКА

Жила-была хвастливая сорока, которая любила хвастаться. Однажды дрались еж с зайцем, а сорока увидела их и захвасталась. Еж так и откатился в сторону, а заяц стал икать. А сорока все болтала да болтала, пока не лопнула.

Доставалось от меня и жадности:

КОШКА И МЫШКА

Жила была кошка по названию Мурка. Однажды Мурка пошла на охоту ловить мышей, искала, искала и не нашла. Идет и вдруг навстречу мышка. Кошка прыг на мышку и чуть не съела. Только лапы поцарапала. Рассердилась Мурка, спать легла. Прилетела галка. Проснулась Мурка, подкралась и прыгнула на галку, вцепилась зубами в крыло. Увидела Мурка скворца, кинулась она бежать к скворцу, взлетел скворец на ель. Тут галка и улетела.

В басне «Медведь» я обрушивался на кровожадность:

МЕДВЕДЬ

Жил был медведь, и была у него больная нога. Раз пошел он добычу добывать и увидел зайцев, прыгнул на зайцев, разбежались зайцы, а один маленький не может бежать. Медведь и съел его. На второй день пошел медведь на охоту и увидел охотника с собаками. Хотел он загрызть собак, но охотник нацелился и убил медведя.

Судя по басням, я уже тогда знал, что смелость способна творить чудеса:

МУ-МУ

Шел волк мимо стада. Увидели коровы его и разбежались, а один теленок не стал убежать и кинулся прямо на волка. Стал топтать волка, когда волк умер.

Тема героизма стала вскоре центральной в моем творчестве:

ЛИСА И ЕЖ

Жил был заяц. Однажды идет заяц домой и встретил ежа. Еж говорит: «Вместе пошли». «Пошли»,—согласился заяц. Идут они, и вдруг заяц в канаву упал. Еж и так ему помогал и в воду лез, еле вытащил.

Идут они, и вдруг лиса выскочила и говорит: «Ты, еж—ключий я тебя не съем, а ты, заяц, иди сюда». Дрожит заяц, мелкими шажками идет. Лиса только оскалила зубы, а еж взял палку, и трах лису по голове. Кинулась она бежать.

«Спас ты меня, еж. Если бы не ты, съела бы меня лиса», — сказал заяц.

Из текста басен не всегда можно было понять, на чьей стороне симпатии автора:

ЕЖ

Шел заяц, а навстречу ему еж ползет. Увидел заяц ежа и испугался. Кинулся он бежать, а еж так хохотал, что даже чуть не лопнул.

Однозначно отрицательным персонажем был, пожалуй, только волк.

ЗЛОЙ ВОЛК

Шел волк с охоты и вдруг волк заснул. Зайцы увидели спящего волка и стали играть в чехарду, а волк проснулся, увидел зайцев и прыгнул на зайцев, кинулись зайцы бежать. Прибежали к болоту, перепрыгнули на другой берег, а волк прыгнул на бегемота. Хотел он спрыгнуть с бегемота и плюхнулся в воду, еле выкарабкался, побежал за зайцами, и все-таки удалось ему поймать зайца. Повесил волк зайца на сосну, а сам пошел опять на охоту. В это время прибежали друзья зайца, сняли его с сосны и убежали. Появился волк, увидел, что зайца нет, и разозлился.

У этой басни обнаружился еще один вариант, с не очень веселым концом. Смещение акцентов в этой версии басни отразилось и на ее названии:

ЗЛОЙ ВОЛК ИЛИ ХРАБРЫЙ БЕГЕМОТ

Шел волк с охоты, вдруг волк заснул. Зайцы увидели спящего волка и стали играть в чехарду. А волк проснулся, увидел зайцев и прыгнул на зайцев, кинулись зайцы бежать. Прибежали к болоту, перепрыгнули на другой берег, а волк прыгнул на бегемота, бегемот цап волка. Тут и пришел волку конец.

А потом я перестал писать басни. Почему? Честно говоря, не помню.

КОРИЧНЕВЫЙ МИЛИЦИОНЕР

На моей памяти был всего один случай, когда человека исключили из пионерской организации в буквальном смысле из-за какого-то дерьма.

Существовала раньше такая должность — ответственный за политинформацию. Бессменным политинформатором в нашем классе был мальчик Алик, маленький чудак с взлохмаченной золотистой шевелюрой в грязной школьной форме и старых ботинках. Доклады Алика принимались с большим интересом.

— Как только он все это в голове держит? — удивлялись ребята.

Но проходило время, и время мои одноклассники, совсем недавно восхищенно слушавшие доклады Алика, ставили ему саечки и прописывали пендели.

Раззадоренный Алик хватал в сортире палку от ерша и носился по коридорам за обидчиками. К счастью, Алику редко когда удавалось настичнуть свою жертву. Быть может, важнее для него было устрашение, а не само наказание. Как для Татьяны Юрьевны.

Новогодний праздник в школе был звездным часом для Алика. По традиции, большинство учеников младших классов приходили на праздник в карнавальных костюмах. Кто-то ограничивался лишь маской белочки, зайчика или медведя. В первом классе я заявился на карнавал в костюме Петрушки. Костюм был воспринят одноклассниками сдержанно.

На следующий год у папы на работе мне изготовили костюм гугенота. Кто такой этот гугенот, я так и не понял, — главное, что не клоун как в прошлый раз. К сожалению, мне так и не удалось заставить поверить в это моих одноклассников. И правда, мой костюм гугенота почти ничем не отличался от Петрушкиного.

Однако подлинным королем карнавала был Алик, нарядившийся волшебником. На нем был темно синий широкий плащ с приколотыми золотыми звездочками и такого же цвета широкие штаны. Была у Алика, как и у всякого уважающего себя волшебника, палочка, тоже синяя и с теми же звездочками, но поменьше.

Одноклассники глумились над Аликом: «Волшебник, сделай чудо». Вслед за просьбой ему отвешивали сочного пенделя. Такого обращения не вынес бы даже самый добрый волшебник. Волшебная палочка превратилась в руках Алика в карающий меч.

От наказания обидчиков спасло то, что Алик налетел на воспитательницу. То, что Алик тогда избежал наказания, было самым настоящим чудом.

Через год ситуация повторилась. Только теперь пендели получал не волшебник, а милиционер: Алик появился на карнавале в настоящей милицейской форме, подогнанной под его рост, с натуральными погонами. Погоны тоже были приспособлены под фигуру Алика, то есть, обрезаны наполовину. В руках у Алика был полосатый жезл гаишника. Где он добыл этот наряд, так и осталось для меня загадкой. Отец Алика точно не служил в милиции.

Ну, скажите, кто откажет себе в удовольствии прописать пендель милиционеру, пусть и не настоящему? Даже я не удержался. Неизвестно, сколько бы еще Алик преследовал нас по коридорам школы, если бы на пути ему не повстречалась завуч. На этот раз судьба повернулась к Алику спиной. Наказание было суровым, но справедливым. Алика лишили права носить пионерский галстук или, проще говоря, исключили из пионеров. Правда, временно, всего на неделю.

А на следующий год пионерскую организацию отменили. Алик потом рассказывал всем, что пострадал тогда «из-за политики».

ЧЕЛОВЕК И ПАРОХОД

Был у нас в классе один мальчик. Все звали его Прыщом. Все, кроме меня и учителей. Учителя обращались к нему по фамилии, а я — по имени.

Прыщ был единственный, кого у нас в классе били. Алик с его «волшебной палочкой» не в счет. Пендель — не битье, а знак внимания. Я не бил Прыща по двум причинам. Во-первых, я не люблю никого бить. Во-вторых, мне всегда было тоскливо участвовать в массовых акциях. Все обижали Прыща, и потому я не хотел делать то же самое.

Не любили его за две вещи. Во-первых, Прыщ неправильно выговаривал слова.

— Мне бабушка не разрешает Нервозова смотреть, — жаловался Прыщ на домашние порядки.

Но жалостливые слова его порождали лишь смех и оплеухи. Мы обожали «600 секунд». То, что Прыщу не давали смотреть

эту передачу, было в глазах моих одноклассников еще одним признаком его отверженности.

А во-вторых, Прыщ безбожно врал. Но делал это он столь безыскусно, что поверить в это было невозможно. Таким образом Прыщ желал привлечь к себе внимание. Но мы не вникали, зачем ему это, и громко смеялись над его небылицами.

— Я, между прочим,— говорил Прыщ,— потомок Крузенштерна.

— Кого-кого? — раздавалось в ответ.

— Ивана Федоровича Крузенштерна.

— Ты ври да не завирайся, человек-пароход!

За Крузенштерна Прыщу доставалось особенно сильно.

Я наверное был единственным в классе, кто иногда позволял себе верить в рассказы Прыща. «Пусть ему будет приятно», — думал я. Но в Крузенштерна не верил и я. Даже понарошку. Не верил до тех пор, пока не увидел по телевизору, что Прыщ принят юнгой на парусник «Крузенштерн» в качестве потомка великого путешественника по женской линии.

Впрочем, во всем остальном Прыщ действительно врал. Так однажды он заявил, что ему прислал письмо Рейган. Само письмо он отказывался предъявить: «Мне бабушка не разрешает Рейгана в школу носить». Мы обратились за консультацией к Алику.

— Как думаешь, мог Рейган Прыщу письмо написать?

— Рейганы Прыщам письма не пишут. У них дела поважнее есть,— отвечал Алик.

«КАФИОЛ»

Каждый июнь родители отправляли меня в пионерлагерь. Первым моим лагерем был «Рассвет» под Рощино. Вместе со мной в ту смену был Прыщ. Прыщ с трогательной заботой охранял меня. «Как мама», — умилялась наша пионервожатая.

Мою настоящую маму тогда больше всего беспокоил мой кишечник. Я страдал запорами. Сама идея сходить «по-большому» томила меня и заставляла страдать невыносимо. Пару раз в неделю мама приезжала ко мне в лагерь и привозила «Кафиол» в желтой прямоугольной коробочке. Шесть штук в упаковке. «Ка-

фиол» внешне и по вкусу был похож на инжир. Может, это и был инжир с какими-то добавками.

Но принять лекарство было только половиной дела. Я целомудренно не желал пользоваться общественным туалетом. Приходилось отпраиваться в лес. И пока я после захода солнца корчил-ся в кустах земляники, Прыщ стоял на шухере.

На следующий год я отправился в лагерь «Красногвардеец», но уже без Прыща. Я был взрослее и смирился с необходимостью пользоваться общественными туалетами. В «Красногвардейце» из нашего класса было несколько человек. В том числе, Арсений. Арсений страдал клептоманией. Впрочем, слово «страдал» будет здесь не вполне точным. Арсений не мог не воровать, но сказать, что он страдал от этого — значит оболгать человека.

Он воровал у одноклассников все: ручки, карандаши, игрушки, жевательную резинку. В лагере Арсений не оставил своей дурной привычки. Я стал одной из его первых жертв. Он похитил у меня самое ценное: мой «Кафиол». Парень он был простой и угостил всех ребят из нашего класса «конфеткой», в том числе девочку Кристину. Понятно, что все обосрались, в том числе девочка Кристина. После этого она обозлилась на меня.

— Я-то здесь причем? — возмутился я в ответ.

— Потому что таблетки были твои, — отвечала Кристина...

На третий год меня по блату устроили в пионерлагерь обкома КПСС. Это был самый ужасный лагерь на свете. Такой публики, как там, я не встречал ни в «Рассвете», ни в «Красногвардейце». Дети в лагере ругались матом и обижали друг друга по пустякам.

В каждой палате, с населением в восемь-десять человек, имелся свой неформальный лидер. В нашей палате на эту роль претендовал маленького роста мальчик. Имени его не помню, поэтому в дальнейшем буду называть его просто: маленький мальчик. Он постоянно доставал меня. Ему, вероятно, не нравилось, что я не признавал его лидерства и держался обособленно.

Я долго не обращал на все это внимание. Но однажды я не выдержал. В родительский день нас поставили дежурить у одних из лагерных ворот. Нас было трое: я, маленький мальчик и еще один, друг маленького мальчика. Идея доверить охрану лагеря тем, кто в нем обитает, была классикой жанра. Так нас приучали к бдительности.

— Ты тут сиди, а мы пойдем прогуляемся,— сказал мне маленький мальчик.

— А почему это я должен сидеть?— удивился я.— Даже не собираюсь.

— Я сказал: сиди,— сказал маленький мальчик.

— Пойдем-ка выйдем,— сказал я.

Мы вышли из будки и прошли несколько шагов, я впереди, маленький мальчик за мной. Вдруг я обернулся и с разворота ударил маленького мальчика в лицо. Он упал на траву. Я, не обращившись, пошел назад в будку. Вскоре вернулся и маленький мальчик. Он был тих и задумчив.

Свидетелем это сцены оказался наш пионервожатый Володя. Он пересказал ее в красках маме, когда та приехала на следующий день навестить меня. Мама опасалась, что обиженный хулиган будет мстить, и договорилась с Володей о переводе меня в другую палату.

От всех этих волнений у меня случился сильный запор. Я проглотил сразу два «Кафиола». Проводил маму и едва успел добежать до туалета на втором этаже. На нашем первом этаже всегда было много народу и грязно, а на втором жили в основном малыши, и в туалете было чисто и немногочисленно.

Нужно честно сказать: произвел я там большой беспорядок. По недалёковидности, безо всякого злого умысла. После меня пользоваться двумя из четырех имевшихся в наличии кабинок было невозможно.

В тот же вечер я заехал в новую палату. Ребята встретили меня приветливо.

— Если чего надо—спрашивай. Тебя, говорят, в той палате внизу обижали,— сказал мальчик с недетским лицом. Я сразу догадался, что он был у них за главного.

— Я сам кого хочешь обижу—отвечал я.

— Это здорово,— сказал мальчик с недетским лицом.

— Смотрел сегодня «Человека с бульвара Капуцинов»?— Я попытался переменить тему разговора. Фильм этот показывали днем в лагерном кинотеатре.

— Нет, не видел.

— Почему?

— А нас не пустили.

— Почему?

— А наказали.

— За что?

— Кто-то из мелких в туалете нагадил. А нас заставили ишачить, мыть все это. Я ему, водителю, значит, говорю: «Это не мы, это мелкие!»

— А он?

— А он отвечает: «Врешь! Не могли мелкие столько надевать». Тут только одна палата со взрослыми — ваша. Остальные — малыши.

— Много было? — спросил я упавшим голосом.

— Чего много?

— ...Говна, — совсем тихо сказал я.

— До фиги. Даже на стенах.

Я молчал.

— Найти бы эту суку вонючую и жопу ей разорвать, — вдруг произнес худосочный мальчик в очках, лежавший у самой двери и читавший книгу «Белый Бим, Черное ухо».

— Где теперь его найдешь, — сказал я, притворно зевнул и накрылся с головой одеялом.

«НОВЫЙ ТАЙМС»

Как я уже сообщал ранее, склонность к писанию проявилась у меня, едва я научился выводить буквы. К классу пятому моя любовь к сочинительству приняла определенную форму: я затеял рукописную газету. Делали мы ее с Семухиным и Кузей. Делалось это следующим образом. Бралась тетрадка в 12 листов, лучше в клеточку, от нее отделялась обложка, и на первой странице вверху толстенными буквами выводилось название: «Новый Таймс».

В «Таймсе», как и полагается серьезной газете, было все: и новости, и большие умные статьи, и комиксы. Новости эти никоим образом не касались жизни класса или школы. В них говорилось о вымышленном царстве-государстве Кукух, королем которого был Петр Первый. Прототипом короля был мой детский дружок Петька Филиппов.

Кукух родился из нашей с Петькой игры в страны. Я затеял эту игру году в 1986-м. Мне казалось, что просто возиться с солдати-

ками скучно. Поэтому я решил, что наши с Петькой квартиры — это не просто квартиры, а суверенные государства. Солдатики играли роль населения. Страны выбирал я. Определенная логика здесь присутствовала — в основном это были соседние государства. Если я выбирал для себя ФРГ, то у Петьки было ГДР. Если у меня Иран, то у Петьки — Ирак. И так далее.

Когда Петька получал очередную страну, я вскоре экзаменовал его: расспрашивал о столице, о флаге, о главе государства. Источником сведений служила для меня Большая советская энциклопедия и справочник «Страны мира». Так мы с Петькой постигали политическую географию.

По придуманной мною легенде, Кукух был основан в 1920 году белогвардейцами, бежавшими от красных на Таймыр. Столицей Кукуха был город Якобштадт, названный так в честь деда Петьки Якова — основателя Кукуха и, по совместительству, его первого короля — Якова Первого. Дед Яша был знаменит тем, что делал для нас хорошие деревянные луки, из которых мы стреляли по лягушкам. Он, конечно, никаким белогвардейцем не был, но для красивой легенды можно было немного пожертвовать исторической правдой.

В правительство Кукуха, формируемое королем, входили почти все мои одноклассники. Многие даже не догадывались об этом. Я был бессменным премьер-министром. Правительство делало с королем что хотело и издевалось над ним безо всякого снисхождения на страницах газеты «Новый Таймс». Благо это периодическое издание находилось под полным контролем премьер-министра.

Несчастному королю и без нас приходилось несладко. Редко какой номер газеты, выходящей ежемесячно или раз в две недели, обходился без новости о покушении на монарха. То машину с королем обстреляли неизвестные лица из пулемета, установленного в окне одного из домов. То во время встречи с народом кто-то из толпы стрелял в короля из карманного браунинга. Но всякий раз Петр Первый, находившийся на волосок от гибели, по какой-то нелепой случайности оставался в живых. «Король оказался легко ранен в задницу. Король отделался легким испугом. Король обделался...» — доверительно сообщала газета читателям.

Вскоре нам оказалось мало газеты, и мы придумали «Радио Кукуха».

Идея делать радиопередачи возникла сама собой. Одно время мы с Никиткой Семухиным ездили в гости к Кузе. Кузя жил в Рыбацком. Нам тогда было лет по 11–12. Семухин был из божественной семьи. Он сыпал цитатами из «Аквариума», «Наутилуса». Кузя был настоящий маленький солдафон, сын майора Станислава Васильевича. Кузины шутки были грубые, а сам он носил белье и одежду казенного цвета.

Но нам было тогда интересно и весело вместе. У Кузи был старый бобиновый магнитофон. На нем мы и делали «Радио Кукуха». Здесь также, как и полагается, были новости, музыкальные и литературные передачи.

Не обходилось и без туалетного юмора. Главной мишенью для наших шуток был, конечно, Петр Первый:

*Петр Сергеич Филлипов.
Ровно в четыре часа
Нам объявили: Петю убили,
В попе торчит колбаса...*

Передача заканчивалась в двух случаях: либо мы уставали дурачиться, либо заканчивалась магнитофонная лента.

Много лет спустя я обратился к Кузиному отцу, надеясь отыскать бобины с нашими радиопередачами. Но, увы, на пленках, которые принес Станислав Васильевич, не оказалось ничего кроме музыки группы «Чингисхан».

Такая же судьба постигла и «Новый Таймс». Газета выходила всего в одном экземпляре. Свежий номер у нас немедленно приобретал Кирилл Инечкин по прозвищу Яйцо. Он, не торгуясь, приобретал газету за один рубль. Это означало, что наш «Новый Таймс» стоил в 20 раз дороже, чем «Правда»! После 9-го класса Яйцо ушел из школы, и больше о нем я ничего не слышал.

Последний выпуск «Нового Таймса» появился в 1992-м году. Там, помимо прочего, сообщалось об очередном покушении на Петра Первого. На этот раз удачном. К тому времени наша дружба с Петькой совсем прекратилась.

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Моей невестой в школе долгое время числилась Полина Ткачева — худая девочка с веснушками. Та самая, из-за которой нас чуть не выпорол с Гапичем. «Любовь» эта возникла следующим образом. На 23 февраля каждая девочка в классе поздравляла определенного мальчика. Мне была назначена Полина. По совету мамы, 8 марта я вызвался поздравлять Полину и подарил ей пионы. Мне казалось, что розы были бы уместнее, но мама купила пионы. Я дико смущался, вручая этот подарок, что подало повод для разговоров о моем чувстве к Полине. Очень скоро я понял, что опровергать что-то — лишь подливать масла в огонь. И смирился с ролью жениха Ткачевой.

Потом год или два моей невестой в классе числилась Юля Васильева. Поводом для разговоров о моих чувствах стала моя невинная выходка. Однажды утром перед выходом из дома я увидел на кухне большой кусок сырого мяса. Я оторвал малюсенький кусочек размером с ноготок и всю дорогу до школы время от времени засовывал его себе то в правую, то в левую ноздрю. Мне нравился запах сырой говядины. Васильева тогда сидела со мной за партой. Во время урока я извлек то ли из носа, то ли из кармана кусочек мяса и сказал Юле: «Это тебе».

Эта история вызвала небывалый интерес в классе и очень скоро обросла неправдоподобностями. Так, маленький кусочек мяса вырос до невероятных размеров. Меня спрашивали: «Правда, ты принес Васильевой пакет с мясом?» Затея с мясом рассматривалась всеми как блестящий способ понравиться.

Юле Левашовой я не подносил ни пионов, ни мяса. Во втором или третьем классе Юлю обрили наголо — у нее обнаружили лишай. Она напоминала мне летучую мышь, а я не любил и даже боялся летучих мышей.

Однажды Левашова подседа ко мне за парту. Васильева болела.

— Можно я тебя за пипиську ущипну? — доверительно спросила она.

Я не знал, что ответить.

— Что молчишь? Можно? — повторила Юля и, не дожидаясь ответа, ущипнула меня за внутреннюю сторону бедра.

Я сидел, вцепившись руками в парту. Этот был тот самый случай, когда я просто молил судьбу, чтобы меня вызвали к доске. Я даже поднял руку, но учитель математики не замечала меня.

Юля еще несколько раз испытывала меня на прочность таким гнусным образом, пока не закончился урок.

На перемене я рассказал обо всем Кузе.

— Да, она ко мне тоже подсаживалась, — равнодушно сказал он.

Я был оскорблен. Еще несколько минут до того, я, изнывая от стыда, проклинал Юлю. Теперь же меня раздавила новость, что я был не единственной ее жертвой. А я-то думал, она ко мне... Вот как оно бывает...

— Скотина, — сказал я.

— А ты напиши ей письмо, — предложил Кузя.

— Хорошая идея!..

Почта тогда работала недурно. Уже через неделю меня вызвали к завучу — Наталье Михайловне — по прозвищу Сырок. На столе у нее лежало мое письмо к Левашовой.

— Твое сочинение? — спросила меня Сырок.

— Мое, — отвечал я.

— Родители Юли принесли его. Они возмущены и напуганы. Сказали, что ее дочери поступило анонимное письмо с угрозами.

Это было чистое вранье. Письмо мое не было анонимным. Я представился каким-то вымышленным псевдонимом, возможно — персонажем книги или фильма, каким точно, уже не вспомню. Что до угроз, то они, по-видимому, были непосредственно связаны с биографией героя, от имени которого сочинялось письмо.

Так или примерно так я объяснил Наталье Михайловне причину, заставившую меня взяться за перо.

— А как вы догадались, что это я писал?

— Это было не сложно, — усмехнулась Сырок. — Ты у нас известный «писатель».

Меня попросили больше не писать таких писем — по крайней мере, Левашовой, и я с готовностью дал «честное пионерское».

— Теперь она точно ко мне не подсядет. Лысая дура, — радвался я.

ГАПОН

У отца был приятель по фамилии Гапон. Мы так и звали его между собой: Гапон. Недавно я интересовался у мамы, как звали Гапона, но она не смогла ничего сообщить.

Жил Гапон в Озерках, на Ракиповской улице. В собственном деревянном доме с семейством: женой, которую все, включая самого Гапона, называли Антоновной, сыном, невесткой, внуком и внучкой. При доме имелся большой сад, где росли кусты с садовыми ягодами: черной и красной смородиной, крыжовником и, конечно, малиной. Каждый год в конце июля — начале августа мы с отцом часто навещали к Гапону в гости. Визиты эти составляли хорошо известный и нам, и Гапону ритуал. Распахнув калитку, мы шли по любовно устроенной дорожке к дому. Отец стучал в дверь. На пороге объявлялся либо сам Гапон, либо кто-то из его родни. Отец здоровался, интересовался делами Гапона, после чего произносил сакральную фразу: «Мы тут поклюем ягоды?» И, получив ожидаемый утвердительный ответ, направлялся со мной к ягодным кустам.

Начинали мы «клевать» обычно с черной смородины. Красную я не очень жаловал: кислятина. Потом внимание наше переключалось на малину. Заканчивалось же все крепким мохнатым крыжовником, который рос ближе всего к выходу, почти у самой калитки. Утомившись есть, мы с отцом на прощание махали рукой кому-нибудь из находившихся поблизости хозяев, а если никого не было, то просто самому дому и отправлялись к себе.

Каждую весну родители ломали голову, куда меня отправить на июнь, чтобы я не болтался в городе. Обычно меня отсылали в пионерский лагерь. Но в 1988 году мне стало так тоскливо в обкомовском лагере в Рощино, что меня возвратили оттуда на неделю раньше. Возник вопрос: куда пристроить меня на пять рабочих дней — до того, как у мамы начнется отпуск? Отец предложил: «К Гапону». Гапон не возражал.

Каждое утро меня приводили на Ракиповскую, а вечером забирали оттуда. Как я уже указывал выше, у Гапона был внук Павка — мой ровесник. Это был не толстый и не худой мальчик, не светловолосый, но и не брюнет — вот все, что я о нем могу сообщить. Помню еще, что он очень походил на своего деда, то есть Гапона. Но как выглядел сам Гапон — не припомню.

В тот год Гапон начал пристраивать к своему деревянному дому двухэтажный кирпичный. Место строительства идеально подходило для игры в войнушку, напоминая раскуроченный дом из фильмов о Сталинграде.

Но любая забава рано или поздно наскучивает. Как-то раз, не зная, чем себя занять, мы слонялись возле находившейся по-

близости 102-й школы. У стоявших во дворе школы трех железных турников разной высоты мы увидели двух парней, которые были старше нас года на три — на четыре.

— Давай постебемся над ними, — предложил Павка.

— Давай, — согласился я.

Нам не нужно было обсуждать сценарий. Любой мальчишка в нашем возрасте знал, что значит «постебаться» над старшими. Подойдя к парням на безопасное расстояние, мы выкрикнули в их адрес непристойные слова, а затем, сорвавшись с места, понеслись к дому. Наши преследователи добежали до калитки, но дальше двигаться не решились. Они были не настолько злы на нас, чтобы вторгаться на чужую территорию. Мы укрылись в доме и наблюдали за ними из окна, отодвинув шторку. Помаячив некоторое время у калитки, парни театрально плюнули себе под ноги и пошли прочь.

— Верблюды, — презрительно сказал Павка с ударением на последний слог.

Мы выждали еще некоторое время и стали красться к школе. Парни, забывшие о нашем существовании, опять проделывали какие-то фокусы на турниках. И вновь все произошло, как и в первый раз: мы выкрикнули свои оскорбления, за нами началась погоня, и мы, благополучно миновав калитку, с криками понеслись к дому. Павка первый придумал кричать, что-то типа: «Мама, спаси...» А я подхватил.

— Ты чего закричал? — спросил я его, когда мы влетели в дом и отдышались.

— На всякий случай. Чтобы они не стали бежать за нами по саду.

— Точно, — отвечал я, пораженный сообразительностью Павки.

И опять парни плюнули себе под ноги и уши.

В третий раз нам, конечно, не стоило идти на наше подлое дело. Но кто знает меру в девять лет?

Нас уже ждали. Мы даже рот не успели открыть. Павка летел впереди, я — за ним. До спасительной калитки оставалось буквально несколько шагов, но вдруг что-то стукнуло меня: а куда я бегу и зачем?

И я остановился. Встал и не мог сдвинуться с места. Я оборотился и глядел на приближавшихся преследователей, как князь Андрей смотрел на крутившуюся у его ног бомбу. Один из пар-

ней, рыжий, в вареных джинсах, подлетел ко мне и схватил меня за шкуру. Другой продолжал преследовать Павку.

— Ты что вырубашься?

— Простите, — пролепетал я.

— Дурак ты! — сказал рыжий и плюнул мне в лицо...

Второй парень, не догнав Павку, подошел к нам, внимательно посмотрел на меня, но плевать в лицо почему-то не стал...

— Зря ты это, — сказал мне Павка, когда я, скребя ногтями щеку, вошел в дом. Он видел всю сцену из своего укрытия. — Мог бы убежать ведь...

— Мог бы, — отвечал я.

Пожалуй, это был единственный случай в моей жизни, когда мне плюнули в физиономию за дело.

